

КРИМИНОГЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ: СУЩНОСТЬ И СИСТЕМНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Юрий ОРЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии факультета № 1
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

This article analyzes the criminality of the politics as its property to create political crime and factors of determination of general crime (political criminogenic factors). This property is described through the features and symptoms of systemic dysfunctions of the politics. Among the latter the author focuses attention on the criminogenic deformation of political organization of the society, political relations, political principles and norms, means of political communication, political consciousness and culture. The author follows the opinion that the political consciousness and culture play a fundamental role in the formation and functioning of the entire political system. On this basis, their dysfunctions have the most criminogenic value.

Key words: criminality of the politics, political system, political regime, dysfunction, crime, determinants of crime.

Аннотация

Статья посвящена анализу криминогенности политики как её свойству воспроизводить политическую преступность и факторы детерминации общей преступности (политические криминогенные факторы). Данное свойство описывается через признаки и проявления системных дисфункций политики. Среди последних акцентируется внимание на криминогенности деформаций политической организации общества, политических отношений, политических принципов и норм, средств политической коммуникации, политического сознания и культуры. Отстаивается мнение, что политическое сознание и культура играют основополагающую роль в формировании и функционировании всей политической системы. На этом основании их дисфункции имеют наиболее криминогенное значение.

Ключевые слова: криминогенность политики, политическая система, политический режим, дисфункция, преступность, детерминанты преступности.

Постановка проблемы. Политика является специфическим социальным институтом, функционально направленным на согласование интересов различных общественных групп, содействие прогресса всего общества за счёт аккумуляции, артикуляции его потребностей, выработки и реализации бесконфликтных мер и средств их удовлетворения с соблюдением комплекса требований безопасности, в том числе и по отношению к будущим поколениям. В этом выражается метасоциальный институциональный характер политики как образования промежуточного, связующего звена, интегрирующего и упорядочивающего начала. Такое её качество связывается со сквозным, проникающим характером воздействия по отношению практически ко всем сферам общественных отношений, проекции наиболее общественно важных аспектов, развитие которых в публичной плоскости используется для конкретизации целей, методов политической деятельности.

Именно поэтому несоответствие, дисбаланс между социальными запросами и политико-институциональными реакциями на них следует рассматривать как фундаментальное общественное противоречие криминогенно детерминирующего свойства.

Актуальность темы. Научные и прикладные проблемы возникновения, существования, изменения, прекращения связей между политикой и преступностью рассматривались в работах многих ученых, среди которых, в частности, А.М. Бандурка, В.Н. Бураков, Я.И. Гишинский, В.В. Глушков, В.Н. Дремин, А.П. Закалюк, Н.А. Зелинская, П.А. Кабанов, А.Г. Кальман, А.Н. Костенко, В.В. Лунев, А.С. Овчинский, А.Л. Сморгун, А.М. Черныш, Д.А. Шестаков и другие. Признавая существенный вклад указанных исследователей в разработку обозначенного направления научного поиска, следует все же заметить то, что их работы посвящены в основном изучению сущности и проявлений по-

3. Kucheriavenko N.P. Nalohovoe pravo : [uchebnyk] / N.P. Kucheriavenko. – Kharkov : Konsum, 1997. – 432 s.

4. Muzyka O.A. Pravove rehliuvannia nepodatkovykh dokhodiv mistsevykh biudzhetyv Ukrainy : dys. ... kand. yuryd. nauk : 12.00.07 / O.A. Muzyka ; Natsionalna akademiia derzh. podatkovoi sluzhby Ukrainy. NDI finansovoho prava. – K., 2005. – 260 s.

5. Ekonomichna entsyklopediia : u 3 tomakh / redkol.: S.V. Mochernyi (vidp. red) ta in. – K. : VTs “Akademiia”, 2001. – T. 1. – 2001. – 864 s.

6. Yvanov Yu.B. Nalohovyi menedzhment : [uch. posobie] / Yu.B. Yvanov, V.V. Karpova, L.N. Karpov. – Kh. : YD “YNZhЭE”, 2006. – 488 s.

7. Dadashev A.Z. Nalohovoe administrivannii v Rossiiskoi Federatsii / A.Z. Dadashev, A.V. Lobanov. – M. : Knyzhnyi mir, 2002. – 216 s.

8. Selivanov A. Administrivannia podatkov: novi problemy v administrativnomu ta finansovomu pravi Ukrainy / A. Selivanov // Pravo Ukrainy. – 2002. – № 2. – S. 34–38.

9. Kalinesku T.V. Administrivannia podatkov : [navch. posib.] / T.V. Kalinesku, V.O. Koretska-Harmash, V.V. Demydovych. – K. : Tsentr uchbovoi literatury, 2013. – 290 s.

10. Stratehiia rozvytku DKRS na period do 2015 roku, zatv. nakazom Holovnoho kontrolno-reviziinoho upravlinnia Ukrainy vid 06.03.2009 № 46 [Elektronnyi resurs]. – Rezhym dostupu : <http://www.dkrs.gov.ua/kru/uk/publish/category/32570>.

11. Rud O.V. Administrivannia podatku na prybutok pidpriemstv / O.V. Rud // Ekonomika. Nauk. pr. – T. 133. – Vyp. 120. – S. 78–83.

12. Krushelnytska T.V. Mezhi i rezultaty vdoshkalennia administrivannia podatkov v Ukraini / T.V. Krushelnytska // Ekonomichniy prostir. – 2011. – № 2. – S. 115–119.

13. Iliashenko V.A. Udoshkalennia systemy administrivannia podatkovykh platezhiv do derzhavnogo biudzhetu / V.A. Iliashenko // Elektronne naukovе fakhove vydannia “Efektivna ekonomika” [Elektronnyi resurs]. – Rezhym dostupu : <http://www.economy.nayka.com.ua/?op=1&z=1953>.

14. Zvit za rezultatamy doslidzhennia “Koruptsiia ta koruptsiini ryzyky v derzhavnykh administrativnykh orhanakh: hromadska dumka naselennia Ukrainy, pidpriansiv, ekspertiv” 11 veresnia 2014.

литической преступности, отдельных политических факторов преступности, криминологической оценке некоторых политических режимов. Комплексных же наработок, касающихся природы криминогенности политики, до сих пор нет.

Цель статьи заключается в определении содержания, природы и системных проявлений криминогенности политики как её имманентного качества.

Изложение основного материала исследования. Под криминогенностью политики мы понимаем её свойство воспроизводить политическую преступность и факторы детерминации общей преступности (политические криминогенные факторы). Это свойство имеет сложную природу и механизм проявления, обнаруживает зависимость от криминальности общества в целом, сохраняя при этом относительно автономные источники формирования и реализации криминогенного потенциала. Раскрытие данного свойства, таким образом, зависит от структурно-функционального моделирования самой политики.

В целях научной формализации и операционализации знания о политике в политологии принято применять две базовые категории: политическая система и политический режим. Остальные понятия, феномены, состояния, объекты (например, такие как государство, политическая культура, политическая деятельность, политический процесс, коммуникация и т. п.), которые тем или иным образом вовлекаются в орбиту исследований проблем властвования, оказываются интегрированными в одну или одновременно в несколько из данных категорий, объектов познания. Учитывая это, описание и объяснение криминогенности политики зависит от выявления криминологически значимой конфигурации каждой из указанных категорий, визуализации связей между преступностью, криминальностью общества и политическими системой, режимом как детерминационных основ данного свойства, с одной стороны, и сферы её проявления – с другой.

Политическая система и политический режим рассматриваются в политологической теории как две структурно-функциональные составляющие политики: первая – статическая, вторая –

динамическая. И если понятие «политическая система» передает характер и специфику функций политических институтов относительно других общественных систем в их статическом виде, то понятие «политический режим» раскрывает способы и механизмы формирования и распределения политической власти в политической системе, формы взаимосвязей субъектов политического процесса. Таким образом, понятие «политический режим» касается динамического или процессуального аспекта политической системы, освещает её подвижные компоненты (институты), взаимодействие субъектов политического процесса в структуре политической системы; способы и механизмы распределения власти в политическом пространстве; характер отношений между политиком-властными и невластными субъектами, а также между политическими и неполитическими институтами [1].

Статические и динамические составляющие политики по-разному влияют на её криминогенность. Первые – определяют преимущественно содержательно-структурные детерминанты преступности, вторые – функционально-деятельностные. В данном смысле недостатки политической системы не проявляются как непосредственные криминогенные факторы, но формируют магистральные линии криминализации политических режимов. Поэтому свойство последних детерминировать как политическую, так и общую преступность следует рассматривать в аспекте формирования криминогенных факторов первичного порядка, а соответствующие свойства политической системы – факторов вторичного порядка по отношению к непосредственным последствиям в виде преступности.

В составляющих политической системы фиксируются фундаментальные общественно-политические противоречия, которые являются отражением состояния цивилизационного развития общества, его гомогенности, мобильности и гармоничности властных отношений, вовлечённости в них большинства населения, его заинтересованности в участии в публичных делах и влиянии на них. Характер указанных противоречий может быть раскрыт через криминологический анализ структуры политической системы, которая включает

следующее: 1) политическую организацию общества; 2) политические отношения; 3) политические принципы, нормы; 4) средства политической коммуникации; 5) политическое сознание и культуру.

Политическая организация общества включает в себя, прежде всего, государство как центральный её институт с разветвлённым аппаратом, сеть политических партий, общественных организаций, привлечённых к политике, других политических актеров. Совершенно ясно, что изменения в политической организации способны закладывать существенные предпосылки для криминализации политики и воспроизведения политических факторов преступности. В частности, наличие среди субъектов политики групп давления, теневого лоббизма (например, финансово-промышленных групп), обеспечивающих неконтролируемое влияние, очерченное узко-корпоративными целями, реализация которых не учитывает общесоциальный интерес, *a priori* даёт основания для характеристики такой системы как рискованной. Её криминогенный потенциал значителен, ведь констатируется деформация функций политики, частичное изменение её вектора с социально-консенсуального на частноприоритетный.

Отдельную криминологическую проблему в данном смысле составляет влияние организованных преступных групп на органы государственной власти, которые, таким образом, приобретают роль неформальных политических актеров. Частноприоритетный вектор политики в таком случае приобретает ярко уголовную окраску; цели политики полностью замещаются целями деятельности соответствующей организованной преступной группировки, особенно когда ей представители входят в корпус органов публичной администрации. Спектр криминогенных последствий такой интеграции весьма широк. В качестве одного из многих примеров можно привести официально установленные Генеральной прокуратурой Украины факты выдачи органами внутренних дел более 600 единиц автоматического огнестрельного оружия и 160 тыс. боеприпасов маргинальным группам лиц для совершения насильственных действий в отношении участников массовых акций протеста на протяжении декабря 2013 –

февраля 2014 годов [2]. До сих пор место нахождения большей части данного оружия не установлено.

Немалую роль в характеристике криминогенного потенциала политической организации общества играет деятельность политических партий и общественных организаций. Очевидно, что их активность, состязательность являются залогом презентации в последнем звене государственно-управленческого влияния интересов большинства слоев населения. Кроме того, общественные организации традиционно в странах развитой демократии выступают институтом политического контроля, выполняя функции так называемых *Dogs Watch* (субъектов постоянного надзора, аллегорически – «сторожевых собак»). Как отмечает Р. Дарендорф, демократия создает форум для контроля за чиновниками. Все действия властных лиц имеют противовес, и это не только контраргументы, а часто также институционально закреплен метод *checks and balances* (контроля и равновесия) [3, с. 75]. Незрелость данного элемента политической организации как платформы для широкой дискуссии, обсуждения публичных проблем, освещения состояния публичных дел влечет за собой недостаток общественного контроля над государством, распространение служебных злоупотреблений, функциональное замыкание аппарата государства на собственных запросах, интересах, в том числе и противоправных.

В данном контексте также целесообразно акцентировать на важности существования развитой *сети* политических партий и общественных объединений. «Политическая демократия без сети или висит в воздухе, или к ней предъявляют слишком высокие требования», – констатирует Р. Дарендорф [3, с. 77]. Иными словами, отсутствие должного количества и качества местных, локальных представительств широкого спектра политических сил превращает основную массу населения – первичных политических актеров – на статических наблюдателей, не имеющих ни реального влияния, ни желания, стремления к установлению такого влияния на политическую ситуацию, учёту их интересов при формировании и реализации государственной политики. Таким образом, теряется и связь между народом и государством. Возникает риск узурпации власти, закрытия доступа к широкой информации

о ней, злоупотребления ею под прикрытием различного рода – социальными мифами.

Аналогичным образом, можно визуализировать и связь указанных параметров организации политической системы с другими её составляющими. Так, адекватные организационно-системные конфигурации могут возникнуть только на основе *политических норм и принципов* соответствующего содержания. При этом речь идет не только и не столько о правовых нормах и принципах, сколько о фактических, общепринятых их видах, традициях. Именно на такие нормы и принципы обращает внимание В.М. Рейсмен, называя их операциональными кодексами, которые формируются в корпорациях, в том числе и государственных. «Отличие операционального кодекса, – отмечает ученый, – в том, что он является частным правом в тех системах, которые обязаны работать публично. В результате контролирующие инстанции и лица, которые непосредственно имеют дело с такими системами, принимают решение о проведении процедур, отклоняющихся от мифа об их законности» [4, с. 50–51].

И хотя В.М. Рейсмен связывает наличие подобных кодексов только с уровнем функционирования политических элит, есть основания полагать, что сегодня они утвердились практически на всех уровнях во всех узловых элементах политической системы в целом. И чем шире является сфера применения частнокорпоративных принятых форм регулирования политических отношений, альтернативных официальному публичному порядку, чем более разветвленными оказываются неформальные нормы и принципы подобного характера, тем выше риск криминализации данных отношений. Существует прямая связь между тенезацией политики и её криминогенностью.

В свою очередь, степень тенезации политики, институционализированности неформальных политических норм и принципов, операциональных кодексов не в последнюю очередь зависит и от политических правовых норм, состояния правового регулирования политики в целом. Очевидно, существующие в нём пробелы (в частности по лоббистской деятельности, контролю над финансированием политических партий и т. п.) заполняются неофици-

альными нормами. Это естественная закономерность, ведь природа не терпит пустоты.

Не менее криминологически значимыми составляющими политической системы являются *средства политической коммуникации*. С точки зрения демократии политическая коммуникация является ключевым элементом при формировании общества, в котором люди и государство чувствуют взаимосвязь [5, с. 10]. Именно в последней, в её видах, распространенности, альтернативности, информационном содержании, коренится ещё один аспект криминогенности политики. Со времён Третьего рейха известна разрушительная сила государственной пропаганды в манипулировании массовым сознанием, разжигании вражды между различными социальными группами, обосновании наиболее тяжких преступлений против человечности, их детерминации каналами информационной причинности. Впрочем, этот аспект исследуемой проблемы, несмотря на трагические уроки истории, не только не утратил своей актуальности, но и сформировал новые грани общественной опасности.

Политическая коммуникация, указывает А.С. Дейнека, претерпела и продолжает претерпевать изменения, связанные с глобализацией и созданием нового информационного пространства без границ. В данных условиях усиливаются тенденции контроля за информацией, расширяется спектр влияния на сознание граждан. Возникает вопрос об ответственности СМИ, транслирующих и порождающих политику перед гражданами, избирателями, партиями, общественными организациями [5, с. 7]. В их руках находится мощное оружие – инструмент конструирования социальной реальности. Достаточно часто данный инструмент используется в узкополитических целях, для выработки согласия населения на отдельные политические акции, в том числе и агрессивного характера с признаками преступлений. Используются средства политической коммуникации и для непосредственной политической борьбы, и для прикрытия преступно-политической деятельности методами инверсии, с применением «чёрного пиара», замещением центральных элементов внутривнутриполитического дискурса с действительно проблемных на другие – второстепенные, бытовые, внешнеполитические и т. п. Таким образом, проис-

ходит и маскировка преступной деятельности политических актеров различного уровня и институциональной принадлежности, в том числе и государственной.

Политическое сознание и культура играют основополагающую роль при формировании и функционировании всей политической системы. Все остальные составляющие последней так или иначе, но выражаются в человеческом срезе: или в деятельности, или в направленности, в целях, средствах, или источниках формирования и реализации политико-управленческого воздействия. Политика является настолько же объективным явлением, как и субъективным. Её содержание – отражение эмоциональной, интеллектуально-рефлексивной субъективности политических актеров, в поведении которых воплощаются знания о политике, мировоззренчески-ценностные установки, опыт, прогноз как желаемый её образ и результат. Именно поэтому политическое сознание и политическая культура оказываются моральным и интеллектуальным средоточием политики, её очеловеченным фундаментом.

Содержание отдельных составляющих политического сознания может рассматриваться как криминогенный фактор исключительно в определённом общественно-политическом, информационном контексте, ведь сама по себе любая форма сознания является амбивалентной юридическим категориям. О криминогенных же свойствах политической культуры есть основания говорить тогда и только тогда, когда речь идет о следующем:

а) политико-культурной экспансии. В данном случае мы говорим о конфликте традиций и инноваций в политической сфере, часто протекаемом, решаемом в криминальных формах. Уникальность, самобытность развития народов и их культур бесспорна. Различной является и пассионарность разных этносов. Недаром Л.Н. Гумилёв в своей всемирно известной работе «Пассионарная теория этногенеза» говорил о географических поясах пассионарности, их циклах и поливариативном содержании. Игнорировать данные обстоятельства – значит пренебрегать естественным законом единства в многообразии, пытаться стереть последние, унифицировать, подвести под стандарты демократии. В условиях глобализации и растущих амбиций

отдельных ячеек концентрации геополитических интересов соблазн распространения собственных стандартов политики возрастает;

б) аномии в политико-культурной сфере. Аналитическая схема аномии Э. Дюркгейма позволяет анализировать формирование криминогенного потенциала внутри дезорганизованных политических культур. В таких культурах присутствует ценностно-ориентационной, смысловой разрыв между различными социальными группами: в идеологическом или операционном, экзистенциально-чувственном уровнях. Например, когда в одном обществе генерируются одновременно два типа политических культур (субкультур) – патерналистская и партисипаторная. Такой разрыв, как правило, отягощён присутствием фрустрации на одной из сторон противостояния;

в) отрыве и изоляции политических элит от населения. Классическая ситуация конфликта власти, когда «верхи не могут, а низы не хотят»: предлагаемые политической элитой модели управления, стратегии общесоциального (в том числе и внешнеполитического) развития и методы их реализации не удовлетворяют требования и запросы политической активной части общества. На таком фоне вызревает конфликт между политической культурой населения и культурой политических элит. Его обострение, развертывание непременно сопровождается детерминацией наиболее широкого спектра криминальной активности, направленной как на получение власти, так и на её изменение, удержание.

Выводы. Криминогенно детерминирующее влияние политических факторов вторичного порядка, формируемых в структурах политической системы, оказывается наиболее мощным, определяющим. Социально-деструктивное свойство данного влияния, с одной стороны, является отражением политической зрелости, политической правосубъектности народа (нации) как глобального политического актера, а с другой – проявляется в управленческом широкоформатном obstructивном движении социальной материи, криминогенные импульсы которого дезорганизуют её, закладывая глубинные общественные противоречия криминогенного значения. Перспективы дальнейших исследований в данном направлении

связываются с выявлением, описанием и объяснением криминогенных свойств политических режимов.

Список использованной литературы:

1. Политология : [учебное пособие] / С.Д. Гелей, С.М. Рутар. – К. : Знання, 2007. – 309 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://politics.ellib.org.ua/pages-cat-56.html>.
2. Генеральная прокуратура завершила досудебное расследование в деле бывших сотрудников милиции, которые незаконно выдавали оружие и боеприпасы для применения против участников Революции Достоинства / Управление по связям с общественностью и СМИ Генеральной прокуратуры Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gp.gov.ua/ua/news.html?_m=publications&_c=view&_t=rec&id=166125.
3. Дарендорф Р. В поисках нового устройства : [лекции на тему политики свободы в XXI столетии] / Р. Дарендорф ; пер. з нем. А. Орган. – К. : Издат. дом «Киево-Мигилянская академия», 2006. – 109 с.
4. Рейсмен В.М. Скрытая ложь. Взятки : «крестовые походы» и реформы / В.М. Рейсмен ; пер. с англ. ; под общ. ред. и со вступ. ст. А.М. Яковлева. – М. : Прогресс, 1988. – 328 с.
5. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / Д. Лиллекер; поднауч. ред. О.С. Дейнеки; пер. с англ. С.И. Остнек. – Х. : Гуманитарный Центр, 2010. – 300 с.